

Политические процессы в меняющемся мире

Эволюция партийных систем: новая точка бифуркации?

Эдуард Геннадьевич СОЛОВЬЕВ

кандидат политических наук, заведующий сектором теории политики, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук. Адрес: 117997, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23. E-mail: solovyev@imemo.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Соловьев Э.Г. (2018) Эволюция партийных систем: новая точка бифуркации? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 3. С. 185–198. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-185-198

АННОТАЦИЯ. На фоне относительных успехов правых и левых популистов у представителей интеллектуальной элиты стран Запада возникло и стало частью политического дискурса убеждение – для того, чтобы реставрировать либеральный порядок и не допустить окончательной победы популистов, традиционным партиям понадобится не только ребрендинг. Они должны разработать политику, посредством которой глобализация сможет служить интересам среднего и рабочего класса. На самом деле проблема стоит еще шире, нежели противостояние правым и левым популистам. Трансформация партийных систем происходит на фоне эффектов глобализации, порождающих новые линии социального напряжения и разделения в обществе (в т.ч. по линии «глобализированные элиты» – «антиглобалистски настроенные массы»); в контексте дефицита демократии, когда существенная часть электората развитых западных стран четко осознает, что «может менять правительство, но не политику», и время от времени под влиянием ситуативных факторов участвует в «протестном голосовании», в поддержке альтернативных политическому истеблишменту поли-

тических сил; в условиях фрагментации политического поля из-за кризиса «больших идеологических нарративов» и прихода им на смену т.наз. «молекулярных идеологий» и партий «одного вопроса». Выход на политическую арену в ряде стран крайне правых и крайне левых сил скорее ситуативен, выступает как следствие текущих кризисных явлений – миграционного кризиса, терроризма, экономической рецессии. Подъем популистских партий самого разного (правого, левого, право-левого) толка имеет свои пределы. Но сам процесс адаптации партийных систем к новому типу острого конфликта между глобализированной постмодернистской элитой и остающимися по преимуществу гражданами национальных государств массами населения только начинает набирать обороты (причем и в развитых, и в развивающихся странах). Вопрос состоит в том, насколько готовы к нему партийные и политические системы разных стран и насколько вообще гибки и адаптивны современные политические элиты.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: партии, партийные системы, политические системы, демократия, популизм, политические элиты

Критика роли партий в современных политических процессах и их недостаточной функциональности для развития современной демократии в общем не нова. Еще в 1980–1990-е гг. известные западные политологи Питер Меир, Клаус фон Бойме и др. акцентировали внимание на том, что партии в организационном, институциональном плане не соответствуют тем требованиям, которые предъявляет к ним современное общество, и тем функциям, которые они должны выполнять в рамках современных демократических политических систем (см. [Mair 1990, pp. 3–20; Beyme 1996, pp. 135–159; Ignazi 1996, pp. 549–566] и др.). Уже тогда находились (и в немалом количестве) радикальные критики, в т.ч. в политологической среде, которые видели во «всеохватывающих» и «картельных» партиях скорее симптом «упадка либеральной демократии», перерождающейся в некое подобие олигархии политических профессионалов. Собственно, критика репрезентативной демократии акцентировала такие аспекты негативных перемен, как сужение круга лиц, способных оказать реальное воздействие на процесс принятия политических решений, манипулятивный эффект воздействия СМИ и даже (в максималистской трактовке) иллюзорный характер выборов (из фиксированного числа политических партий и ограниченного набора лидеров, конкурирующих между собой за возможность замещения правительственных постов) (см., например: [Leadbeater, Mulgan 1994, pp. 14–25]). Однако преобладающей в политологическом сообществе на протяжении последних десятилетий оставалась точка зрения, согласно которой в рамках институционального дизайна современной демократии политические партии продолжали выполнять важнейшие функции артикуляции и агрегирования социально значимых интересов, трансляции тре-

бований к центрам принятия решений, рекрутирования элит, оставаясь при этом важной скрепой в системе отношений «гражданское общество – партия – государство». Партии воспринимались как институт, способный реагировать на новые веяния в политике, иницирующий и репрезентирующий политические инновации, организующий электоральные массы.

Тем не менее в последнее время западные аналитики все чаще говорят о кризисе современных политических партий и партийных систем в несколько ином контексте – в основном в привязке к «угрозе популизма» правого, левого или иного толка (см. об этом: [Luce 2017; Kreisi 2014, pp. 361–378; Painter 2013]). Достаточно вспомнить продолжительный политический кризис в США, связанный с неспособностью правящей республиканской партии консолидироваться вокруг фигуры президента Д. Трампа и нежеланием оппозиции (в лице демократов) смириться с итогами выборов (почти неслыханная для Соединенных Штатов ситуация). Или приход к власти в Греции абсолютно внесистемной, как тогда казалось, СИРИЗА. А также трепет европейских элит перед угрозой победы на президентских и парламентских выборах крайне правых – Национального фронта М. Ле Пен во Франции, Партии свободы во главе с харизматичным этническим индонезийцем Г. Вилдерсом в Нидерландах или Австрийской партии свободы. В этом же ряду стоит и стремительный крах партийной системы Франции, где споры о наличии в стране двух-, трех- или четырехполюсной партийной системы сменились анализом невероятных электоральных успехов своеобразного «центристского популиста» Э. Макрона и его стремительно созданной (буквально за два месяца) партии на президентских и парламентских выборах. Популизм, как становится очевидно, – это не некая

политическая патология, характерная для политических маргиналов и присутствующая в той или иной степени любому обществу (normal pathology). Популизм становится выразителем духа времени (populist Zeitgeist) и проявлением некоей «патологической нормы» (pathological normalcy) и лишь представляет несколько экзальтированную и радикализированную картину, в общем понятную и даже разделяемую политическим большинством и большинством населения (см. об этом [Mudde 2010, pp. 1167–1186; Mudde 2014, pp. 217–226]). Вопрос в том, почему это происходит, подводит нас к пониманию, что проблема представляется более широкой и охватывает новые группы противоречий современных (причем не только западных) обществ и сами основы формирования современных партийных систем.

От либерального консенсуса к «выборам отрицания»

Развитие партийных систем можно рассматривать в качестве естественного процесса и значимого индикатора демократичности современных политических систем. Появление новых партий, трансформация идеологии и программы старых, иными словами – развитие партийных систем является частью нормального функционирования (normal performance) современной демократии. Благодаря возникновению новых и идеологическому обновлению старых партий оказывается возможным преодоление «дефицита демократии», поддерживается влияние граждан на политику демократическим и эволюционным путем, в процесс агрегации интересов вовлекаются новые общественные силы. Формулируемые новыми партиями и движениями требования способствуют корректировке направления развития политических процессов, позво-

ляют осуществлять эффективное политическое давление на власти и властвующие элиты соответствующих стран.

Абсолютно аксиоматический характер носит в последние десятилетия утверждение, согласно которому современная демократия немыслима без партий – поскольку партии выполняют такие значимые функции, как структурирование результатов выборов, обеспечение политической интеграции и мобилизации граждан, агрегирование разнообразных социальных интересов, осуществление политического рекрутирования элиты, формирование основных направлений политики. При наличии в рамках политической системы такого элемента демократического институционального дизайна, как свободные выборы, обеспечивается дополнительный импульс развитию политической конкуренции.

Современные политические партии невероятно разнообразны и, функционируя в рамках разных политических систем и режимов, существенно отличаются друг от друга. Но в любом случае политические партии выступают ключевым институтом и инструментом борьбы за власть. В одном из классических определений известного американского экономиста и политолога Э. Даунса подчеркивается, что партия – это «команда людей, стремящихся контролировать государственный аппарат путем приобретения должностей на надлежащим образом организованных выборах» [Downs 1957, p. 25]. А не менее известный американский политолог К. Джанда определял партии как организации, преследующие цель «замещения правительственных должностей своими получающими общественную поддержку представителями» [Janda 1980, p. 5].

В любом случае в рамках соревновательных систем формируется некий набор партий, на протяжении нескольких избирательных циклов получающих су-

щественную электоральную поддержку. И таким образом конкурирующие между собой политические партии формируют партийную систему страны.

В современных демократиях партийная система не является некой застывшей институциональной конструкцией. Она достаточно динамична, реагирует на изменение предпочтений избирателей и отнюдь не исключает исчезновения одних и возникновения других политических партий. При этом, разумеется, история страны, параметры избирательных систем, особенности политических институтов и политических культур накладывают свой отпечаток на политическую динамику и задают рамки возможных трансформаций. Иными словами, каждая из партийных систем обусловлена спецификой развития того или иного государства и характером вызовов, которые перед ним стоят. Тем не менее, если говорить о наиболее общих факторах развития партийных систем, то еще в классических работах, начиная с С.М. Липсета и С. Роккана [Lipset, Rokkan 1967], выделялись четыре основных типа политических конфликтов, оказавших наибольшее влияние на параметры и структуру партийных систем в разных странах. Это конфликты между собственниками и рабочими, между государством и церковью, между центром и периферией, между городом и селом.

Собственники против рабочих – конфликт, выросший из результатов промышленной революции и породивший широкую линейку социалистических, коммунистических и рабочих партий. Причем характер и степень радикализма этих партий во многом зависел от того, как властвующая элита реагировала на требования трудящихся. Там, где элита демонстрировала инклюзивную (включающую) стратегию, старалась интегрировать рабочих в политическую систему, эти партии быстро лега-

лизировались, расстались с наиболее радикальными постулатами партийных программ и, в конце концов, заняли в целом достаточно умеренные, реформистские политические позиции. В тех же странах, где элиты не продемонстрировали достаточной политической гибкости, рабочие партии стремительно радикализировались и в конечном счете оказались в авангарде антисистемных сил.

Конфликт «государство против церкви» был довольно широко распространен в Западной Европе. Исторически политическая активность католической церкви с ее притязаниями на универсальную власть была серьезной проблемой для целого ряда государств, одним из препятствий на пути процесса государственной централизации. Уже несколько столетий, как этот конфликт, казалось бы, полностью потерял свою значимость. Однако его отголоски проявлялись и проявляются в создании и функционировании так называемых христианских партий (клерикальные корни, в частности, у влиятельных ХДС и ХСС в Германии).

Конфликт центра против периферии привел к возникновению по всей Европе националистических или региональных партий (наиболее актуальны в силу особенностей политической динамики Новый Фламандский альянс в Бельгии, Шотландская национальная партия в Британии, каталонские и баскские националистические партии в Испании).

Ну а дихотомия города и села дала жизнь всевозможным «крестьянским», «народным» партиям (их политические аналоги до сих пор функционируют в ряде стран Восточной Европы).

В наше время глобализация порождает новый глубочайший конфликт, отголоски которого, по-видимому, будут сказываться на развитии партийных систем на протяжении длительного времени. Это вызванный объективными

(экономическими и социальными) процессами глобализации конфликт между глобализированной элитой и массами населения. Этот конфликт только начинает набирать силу и будет разворачиваться в обозримой перспективе буквально на наших глазах. Тем не менее он уже оказывает влияние на параметры политических процессов и на характер трансформации партийных систем некоторых европейских стран.

В конце XX в. в развитии партийных систем стран Запада сформировался устойчивый тренд – сужение политического спектра, последовательное движение к политическому центру партий из разных частей политического спектра (от социал-демократов до консерваторов). В широких политических и политологических кругах на рубеже XX–XXI вв. как аксиома стала восприниматься точка зрения, согласно которой было объявлено устаревшим представление о существовании устойчивого «право-левого политического континуума», в рамках которого правые представляют консервативные, а левые – социальные ценности. Социологические измерения общественного мнения на рубеже XXI в. (Pew Research Center и др.) в принципе подтверждали эту точку зрения. Очень ограниченное количество избирателей в странах Запада были способны уверенно причислить себя к левым или правым. Таким образом партии и кандидаты, акцентирующие идеологические мотивы и цели своей деятельности, а также склонные слишком явно смещаться к тому или другому флангу политического спектра, проводили рискованную политическую линию. Ориентируясь на идеологически заряженного «ядрового» избирателя, они не были способны привлечь на свою сторону представителей колеблющегося большинства. Иными словами, они могли потерять на выборах голоса избирателей, не имеющих

определенных идеологических убеждений или не склонных демонстрировать устойчивой приверженности тем или иным политическим силам. Эта, ныне количественно преобладающая, колеблющаяся часть электората группировалась в основном вокруг политического центра и превращала выборы конца XX – начала XXI в. в борьбу идеологически стерильных политических сил за так называемого медианного избирателя. Появился даже попавший в учебники по политологии и политтехнологии лозунг, сводившийся к тому, что партии существуют «не для идеологий, а для успеха на выборах».

Партии в этой борьбе за медианного избирателя окончательно превратились во «всеохватывающие» (catch all party, т.е., коротко говоря, лишенные определенной социальной и идеологической базы) или даже «картельные» (т.е. состоящие из «профессиональных политиков», борющихся между собой за властные позиции за счет мобилизации на выборах голосов избирателей). В условиях доминирующего либерального политического консенсуса и массового смещения избирателя к политическому центру это было прагматичным и по-своему рациональным решением. В русле подобной тенденции четкое деление политических партий на правые и левые во все большей степени становилось данью политической традиции и отражением инерции мышления возрастных политиков и политических аналитиков. Имело место последовательное сокращение идеологических, доктринальных различий (аналитики уверенно заговорили о «конце больших идеологических нарративов»). Размывание идеологического профиля постепенно привело к тому, что и левые, и правые политические партии постепенно сдвигались к политическому центру, буквально оголяя политические фланги (левый и правый).

Но уже с конца 1990-х гг. стала набирать силу и фиксироваться в рамках социологических опросов и в ходе выборов новая тенденция. На смену индифферентному отношению к политике большинства удовлетворенного своим социальным и экономическим положением электората постепенно шло недовольство растущей его части «дефицитом демократии» и сложившейся в странах Запада моделью выработки политических решений. Модель эта, по меткому выражению известного политолога болгарского происхождения Ивана Крестева, *давала гражданам «возможность менять лишь правительство, но не политику»* [Krastev 2007, р. 59], что явно вступало в противоречие с господствующим в общественно-политическом дискурсе нормативным (почти изоморфным некой «гражданской религии») идеалом демократии.

Продолжала размываться и социальная база политических партий – даже тех, которые изначально (как, например, социалистические и рабочие партии) были ориентированы на артикуляцию интересов совершенно определенных социальных страт или классов.

К началу XXI в. заметно выросла доля представителей старших возрастов в числе приверженцев политических партий. И это связано не только с демографическими сдвигами в развитых странах, но и со сменой мотивации молодых людей, вступающих в те или иные партии либо их активно поддерживающих. Поддержка партий нередко стала носить преимущественно карьерный и даже потребительский характер. По остроумному замечанию немецкого политолога К. фон Бойме, «в постмодернистском обществе членство в партии... больше не является приверженностью всей жизни... Люди вступают в партию, как входят в вагон, в котором едут какое-то время, и выходят, доехав

до нужной остановки» [Beume 2000, р. 202]. Подобные тенденции неизбежно влекли за собой снижение партийной сплоченности, заметное уменьшение численности политических организаций [Whiteley 2011, pp. 21–22]. Все это заставило многих западных исследователей заговорить о «кризисе партий» и партийной политики в целом и вызвало к жизни феномен «выборов отрицания», результаты которых определяются совокупностью факторов – в их числе прежде всего экономические проблемы, вопросы идентичности и ценностный раскол «национально ориентированного» большинства населения и приверженных наднациональным, глобальным целям элит.

Существенную роль в становлении политического феномена сыграла делегитимизация политического истеблишмента в результате кризиса 2008–2010 гг. и по его итогам. Представления о безусловной компетентности элит сменились сомнениями и неуверенностью в будущем, которую явно транслируют в ходе многочисленных социальных опросов представители средних и неимущих слоев населения. Серьезными факторами, стимулирующими представления о кризисе управления, стали падение доходов, рост налогов, сокращение числа рабочих мест, увеличение численности частично занятых (так называемого «прекариата» – от англ. *precarious*, т.е. нестабильный, ненадежный). Американский экономист нобелевский лауреат Джозеф Стиглиц сделал вывод о том, что оживление экономики, начавшееся после кризиса 2008 г., принесло выгоды лишь 1% жителей страны. По его словам, «последствия кризиса 2008 г. для обычных американцев оказались особенно суровыми, учитывая то, что в период с 2007 по 2013 г. более 14 миллионов заложенных домов было отобрано... Агрессивная монетарная поли-

тика (так называемая “политика количественного смягчения”) была нацелена преимущественно на восстановление прежних цен на фондовом рынке, а не на кредитование малого и среднего бизнеса. В результате она оказалась весьма эффективной с точки зрения восстановления прежнего уровня благосостояния богатых людей, но не сделала ничего, чтобы помочь среднестатистическим американцам или хотя бы создать для них рабочие места. Именно поэтому в первые три года так называемого восстановления экономики после кризиса 95% увеличений в доходах пришлось на долю Одного процента...» [Стиллиц 2016, с. 40]. Концентрация богатства сопровождалась эрозией социальной базы современной демократии (среднего класса) и стагнацией доходов и социального положения наименее обеспеченных слоев общества.

До самого последнего времени левые партии устойчиво и предсказуемо ассоциировались с требованиями увеличения государственных расходов, развитием институтов социального государства и регулированием бизнеса. Правым приписывалось стремление ограничить роль государства, сократить социальные гарантии и вмешательство в жизнь общества. Одновременно модели электорального поведения, как правило, исходили из предпосылки о том, что политические предпочтения избирателей во многом определяются их экономическим статусом и уровнем дохода. Однако многочисленные исследования последних десятилетий (начиная с новаторских работ Р. Инглхарта [Inglehart 1990]) продемонстрировали, что этого недостаточно. Экономический статус уже не определяет в полной мере политиче-

ские и электоральные предпочтения граждан стран Запада, равно как и существующие в этих странах политические размежевания. Позиция по социальным и культурным (а не экономическим) вопросам, таким как проблемы мультикультурализма, меньшинств, гендера, семьи, зачастую становится решающей в обосновании предпочтений избирателей. И эффекты глобализации, информационной революции, демографические проблемы (включая миграционный фактор) только усиливают эти тренды.

Одна из наиболее глубоких линий раскола между приверженцами традиционных ценностей и национальных государств, с одной стороны, и глобализированными элитами, с другой, проходит по вопросу миграционной политики¹. Дополнительным политически дестабилизирующим фактором, оказавшим определенное (но отнюдь не решающее, как это часто интерпретируется в России, – видимо, за лозунгами прогрессирующей эмансипации и новым прочтением свободы удастся пока сгладить последствия) влияние на трансформацию политической повестки партий в странах Запада, стала эрозия традиционных ценностей, что стимулировало подъем консервативных настроений части электората.

Результатом сочетания всех этих факторов стал электоральный цикл, в рамках которого последовательно размывалась по сути неоспоримая до последнего времени монополия на политическую власть системных партий политического мейнстрима и достаточно консолидированного (вне зависимости от формальной партийной принадлежности) политического истеблишмента стран Запада.

1 Закария Ф. (2016) Популизм на марше // Россия в глобальной политике. № 6 // <http://www.globalaffairs.ru/number/Populizma-marshe-18482>, дата обращения 18.06.2018.

Популизм – пределы возможного

В условиях серьезного глобально-социально-экономического кризиса 2008–2010 гг. и по его окончании ниши (точнее даже пустоты) на противоположных полюсах политического спектра стали заполняться новыми политическими силами. Отсюда рост электоральной привлекательности «гибридных», «популистских» партий и движений «правой» или «левой» ориентации, оспаривающих монопольные лидерские позиции системных партий мейнстрима [Вайнштейн 2017, с. 69–89; Вайнштейн 2018, с. 17–28]. По мнению известного российского исследователя Г.И. Вайнштейна, более корректно вести речь «не о новом характере биполярности партийной системы, а о формировании того, что можно назвать двойной биполярностью, когда противостояние сторонников традиционных системных партий, с одной стороны, и антисистемных политических сил, оспаривающих власть системного мейнстрима, с другой, дополняет, а иногда, действительно, вытесняет традиционное противостояние левых и правых» [Вайнштейн 2016, с. 17].

В программных установках популистских партий нередко обнаруживается довольно сложный микст «правой», националистической, консервативной социально-культурной составляющей и левые (или, по крайней мере, дирижистские) экономические подходы. Популистские партии и движения набирают силу в странах с очень разными социально-экономическими параметрами развития и в очевидном отличающихся социокультурных контекстах – от процветающих Швеции и Германии до переживающей затяжной кризис Греции. В 2014–2016 гг. обозначился подъем лево-и право-популистской волны в странах

Запада. Итоги выборов 2017 г. в Европе показали пределы этого подъема и способность правящих элит преодолеть текущий кризис.

Тем не менее эрозия либерального консенсуса и вообще либерально-демократической политической модели пока не остановлена. Популистский крен политики связан сегодня не только с усилением право- и лево-радикальных партий, но и с происходящими изменениями в позициях ряда системных партий мейнстрима. В стремлении обеспечить электоральную поддержку руководство мейнстримных партий вынуждено радикализировать собственные позиции по ряду вопросов (иммиграционная политика, мультикультурализм и отношение к мигрантским меньшинствам, содержание процесса и темпы евроинтеграции, противостояние «брюссельской бюрократии»).

Что касается собственно популистских партий, нередко именуемых *challenger parties*, «партии, бросающие вызов» [Hino 2012], то преобладание в той или иной стране «новых левых» или «новых правых» во многом зависит от политической истории соответствующих стран. Например, в ряде южноевропейских стран, наиболее пострадавших от кризиса 2008–2010 гг., и с учетом имеющих у них традиций левого движения, преобладающие позиции среди «анти-эблишментских», как их иногда называют, партий заняли левые.

Левые популисты, или крайне левые, заняли нишу, которую добровольно расчистили для них социалисты, социал-демократы, лейбористы, резко сдвинувшись к центру на рубеже XX–XXI вв. В качестве примера стремительного подъема новых левых политических сил можно привести греческую СИРИЗА². Еще один яркий, пусть и кратковременный,

2 См. текст предвыборной программы партии СИРИЗА: What the SYRIZA Government Will Do (2014) // transform! europe, December 14, 2014 // <https://www.transform-network.net/blog/article/what-the-syriza-government-will-do/>, дата обращения 18.06.2018.

всплеск популярности новых левых сил имел место в Испании (партия *Podemos* – исп. «Мы можем») [Прохоренко 2016, с. 102–107].

При этом в условиях кризисной Греции так уж получилось, что СИРИЗА фактически не столько продвигает левые идеи, сколько защищает национальные интересы страны в столкновении с притязаниями европейских бюрократических структур и политических элит. И в этом смысле в действиях СИРИЗА ярко проявляются черты не столько «левой», сколько «анти-истеблишментской» партии.

Правые популистские партии в европейских странах переживают почти беспрецедентный, но в общем ситуативный подъем, связанный сразу с несколькими болезненными для общественного сознания темами: кризис концепции мультикультурализма, беспрецедентная миграционная волна, накрывшая Европу в 2015 г., и ее последствия (в т.ч. неадекватная политика властей по приему беженцев), недостаточная эффективность и непрозрачность действий брюссельской бюрократии и растущий евроскептицизм, борьба за региональную и национальную автономию, проблема эрозии традиционных ценностей. В этом контексте дополнительный импульс к развитию по всей Европе получило большое число анти-истеблишментских партий. Определенной координации и согласования политических шагов на европейском уровне им удалось добиться за счет формирования отдельной фракции «Европа наций и свобод» в Европейском парламенте, возглавили которую М. Ле Пен (Национальный фронт, Франция), Г. Вильдерс (Партия свободы, Нидерланды) и Х.-К. Штрахе (Австрийская партия свободы).

Весьма симптоматичны оказались результаты выборов 2016 и 2017 г. в Германии (местных и общенациональных). Здесь право-популистская партия «Аль-

тернатива для Германии» получила существенную поддержку избирателей. В результате Германия, ранее практически не затронутая эпидемией популизма, органично вписалась в общеевропейское русло трансформации партийно-политического ландшафта. На федеральных выборах сентября 2017 г. АдГ стала третьей по численности в Бундестаге (94 места), получив 12,6% голосов (см. [Кузнецов 2017, с. 228–229]).

Тем не менее успехи анти-истеблишментских партий на европейской арене относительно. Наиболее впечатляюще они, как правило, выступают на выборах в «слабые» институты (например, в Европарламент, который до последнего времени мало что решал, но давал возможность протестного голосования избирателей). В силу консолидированного сопротивления правящих элит, слабости партийных программ (акцентирующих несколько предельно актуальных пунктов политической повестки дня – например, миграция в Европу или выход Британии из ЕС) в современной Европе этим политическим партиям не удастся завоевать большинства на выборах разного уровня. Кроме того, их политические успехи редко удастся закрепить. Они не бывают долговременными.

Выборы 2016–2017 гг., проходившие во многих странах Европейского Союза, пожалуй, наилучшим образом обозначили предел электоральных возможностей современных западноевропейских праворадикальных партий. С одной стороны, многократное увеличение потока нелегальных мигрантов в ЕС с 2015 г., Brexit в 2016 г., волна террористических актов в мирных городах Европы, а также никем не прогнозируемая победа эпатажного самовыдвиженца Дональда Трампа на президентских выборах в США, усилили недоверие граждан к правящему классу и правильности его политического курса, дали зеленый свет росту радикальных настроений. С другой стороны,

партии мейнстрима оказались перед необходимостью перемен и, перехватывая лозунги и занимая позиции конкурентов по ряду ключевых вопросов, в частности относительно регулирования миграционных потоков, смогли успешно сбить волну популярности радикалов. Президентские выборы 2016 г. в Австрии, парламентские выборы в Нидерландах и Австрии, а также череда выборов во Франции в 2017 г. обозначили общую для Западной Европы тенденцию.

Участие в правительстве также не идет на пользу крайне правым, что уже доказали своим примером Австрийская партия свободы и «Истинные финны». Неизбежность сложных компромиссов при работе в правительстве, отступление от декларированных перед избирателями целей ведет к падению популярности и утрате «новыми правыми» партиями способности противопоставлять себя партийному истеблишменту. А в борьбе за расширение электоральной базы они начинают тяготеть к превращению в обычные «всеохватывающие» партии.

Многие из правых популистов фактически выступают партией «одного» или максимум двух вопросов. Британская Партия независимости (UKIP) и ее харизматичный лидер Н. Фарадж были фактически ориентированы на достижение одной цели – выхода Британии из ЕС. Вся прочая риторика, в т.ч. жесткая антииммигрантская позиция, была производной от этого ключевого пункта политической программы партии. После того как 23 июля 2016 г. на объявленном в Британии главой правительства консерваторов Д. Кэмероном референдуме о выходе из состава ЕС победили сторонники Брекзита, партия фактически утратила смысл своего существования и быстро потеряла политические позиции.

Если европейские правые популисты не смогут диверсифицировать свой политический арсенал и будут концентрироваться лишь на вопросах неэффективности правительств в решении проблем миграции, им едва ли удастся удержать завоеванные позиции. Они останутся партиями относительного меньшинства, стигматизируемыми за идеологический радикализм и неинклюзивный характер провозглашаемых ими политических принципов.

На фоне «выборов отрицания» и относительных успехов правых и левых «популистов» у интеллектуальной элиты стран Запада появилось убеждение, что для того, «чтобы реставрировать либеральный порядок и не допустить окончательной победы популистов, традиционным партиям понадобится не только ребрендинг. Они должны разработать политику, посредством которой глобализация сможет служить интересам среднего и рабочего класса. Если изменений не произойдет, глобальный либеральный порядок умрет»³. Трансформация партийных систем происходит на фоне эффектов глобализации, порождающих новые линии социального напряжения и разделения в обществе (в т.ч. по линии «глобализированные элиты» – «антиглобалистски настроенные массы»); в контексте дефицита демократии, когда часть электората развитых западных стран четко осознает, что «может менять правительство, но не политику», и время от времени под влиянием ситуативных факторов участвует в «протестном голосовании», в поддержке альтернативных политическому истеблишменту политических сил; в условиях фрагментации политического поля из-за кризиса (возможно временного) «больших идео-

3 Colgan J., Keohane R. (2017) The Liberal Order Is Rigged // Foreign Affairs, no 3 // <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2017-04-17/liberal-order-rigged>, дата обращения 18.06.2018.

логических нарративов» и прихода им на смену т.наз. молекулярных идеологий и партий «одного вопроса».

Формируются новые каналы влияния граждан на политику. Политический процесс становится более интерактивным, в него включаются новые силы или разочаровавшиеся в возможностях демократии на определенном этапе старые социальные группы. Выход на политическую арену в ряде стран крайне правых и крайне левых сил скорее ситуативен, выступает как следствие текущих кризисных явлений – миграционного кризиса, терроризма, экономической рецессии. Подъем популистских партий самого разного (правого, левого, право-левого) толка имеет свои пределы. Но сам процесс адаптации партийных систем к новому типу острого конфликта между глобализированной постмодернистской элитой и остающимися по преимуществу гражданами национальных государств массами населения только начинает набирать обороты (причем и в развитых, и в развивающихся странах). Вопрос состоит в том, насколько готовы к нему партийные и политические системы разных стран и насколько вообще гибки и адаптивны современные политические элиты. Ответ на этот вопрос мы узнаем уже в ближайшем будущем.

Список литературы

Вайнштейн Г.И. (2016) Электоральный фактор в эволюции партийного ландшафта Европы // Швейцер В.Я. (ред.) Электоральные процессы в Европейском союзе (середина второго десятилетия XXI века). М.: ИЕ РАН. С. 14–19.

Вайнштейн Г.И. (2017) Современный популизм как объект политологического анализа // Полис. № 4. С. 69–89.

Вайнштейн Г.И. (2018) Трансформация западноевропейского политического ландшафта и институционализа-

ция антисистемной политики // Мировая экономика и международные отношения. Т. 62. № 5. С. 17–28.

Кузнецов А.В. (2017) Германия в год выборов: «пиррова победа» Ангелы Меркель? // Барановский В.Г., Соловьев Э.Г. (ред.) Год планеты. Выпуск 2017 г. М.: Идея-Пресс. С. 227–235.

Прохоренко И.Л. (2016) Испания в процессах трансформации партийно-политических систем европейских стран // Соловьев Э.Г. (ред.) Партийно-политические системы и политические идеологии в странах Запада в начале XXI века: факторы эволюции и направления трансформации. М.: ИМЭМО РАН. С. 102–107.

Стиглиц Дж. (2016) Великое разделение. Неравенство в обществе, или Что делать оставшимся 99% населения? М.: Эксмо.

Beyme K. von (1996) Party Leadership and Change in Party Systems: Towards a Postmodern Party State? // Government and Opposition, vol. 31, no 2, pp. 135–159.

Beyme K. von (2000) Parliamentary Democracy: Democratization, Destabilization, Reconsolidation. 1799–1999, Houndsmills: Macmillan.

Downs A. (1957) An Economic Theory of Democracy, N.Y.: Harper.

Hino A. (2012) New Challenger Parties in Western Europe: A Comparative Analysis, London: Routledge.

Ignazi P. (1996) The Crisis of Parties and the Rise of New Political Parties // Party Politics, vol. 2, no 4, pp. 549–566.

Inglehart R. (1990) Culture Shift in Advanced Industrial Countries, Princeton: Princeton University Press.

Janda K. (1980) Political Parties: A Cross-National Survey, N.Y.: Free Press.

Krastev I. (2007) The Strange Death of the Liberal Consensus // Journal of Democracy, vol. 18, no 4, pp. 56–63.

Kreisi H. (2014) The Populist Challenge // West European Politics, vol. 37, no 2, pp. 361–378.

Leadbeater Ch., Mulgan G. (1994) Lean Democracy and the Leadership Vacuum // *Demos*, no 3, pp. 14–25.

Lipset S., Rokkan S. (eds.) (1967) *Party Systems and Voter Alignments*, N.Y.: Free Press.

Luce E. (2017) The Siege of Western Liberalism // *Financial Times*, May 5, 2017 // <https://www.ft.com/content/c7444248-3000-11e7-9555-23ef563ecf9a>, дата обращения 18.06.2018.

Mair P. (1990) Continuity, Change and the Vulnerability of Party // *Understanding Party System Change in Western Europe* (eds. Mair P., Smith G.), London: Frank Cass, pp. 3–20.

Mudde C. (2010) The Populist Radical Right: A Pathological Normalcy // *West European Politics*, vol. 33, no 6, pp. 1167–1186.

Mudde C. (2014) Fighting the System? Populist Radical Right Parties and Party System Change // *Party Politics*, vol. 20, no 2, pp. 217–226.

Painter A. (2013) *Democratic Stress, the Populist Signal and Extremist Threat: A Call for a New Mainstream Statecraft and Contact Democracy*, London: Policy Network.

Whiteley P.F. (2011) Is the Party over? The Decline of Party Activism and Membership across the Democratic World // *Party Politics*, vol. 17, no 1, pp. 21–44.

Political Processes in the Changing World

Evolution of Party Systems: New Point of Bifurcation?

Eduard G. SOLOVYEV

PhD in Politics, Head of the Section for Political Theory, Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. Address: 23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russian Federation. E-mail: solovyev@imemo.ru

CITATION: Solovyev E.G. (2018) Evolution of Party Systems: New Point of Bifurcation? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 3, pp. 185–198 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-185-198

ABSTRACT. *In face of the relative success of the right and left populists, among representatives of the intellectual elite on the West arose a conviction – in order to restore the liberal order and prevent the final victory of populists, traditional parties will have to make not only rebranding. They must develop policies through which globalization can serve the middle and working class. In fact, the problem is even wider than the opposition to the right and left populists. The transformation of party systems takes place in the context of the effects of globalization, generating new lines of so-*

cial tensions and divisions in society (including “globalized elite” – “anti-globalist-minded masses” opposition); under framework of democracy deficit, when a significant part of the electorate of developed Western countries clearly realizes that they “can change the government, but not the policy” and from time to time under the influence of situational factors involve in the “protest voting”, in support of alternative to political establishment political forces; in the context of fragmentation of the political field due to the crisis of “Grand ideological narratives” and the appearance of so called

“molecular ideologies” and “one question” parties.

Entering the political arena in a number of countries of the far right and far left forces is rather situational, but it becomes a consequence of the current crisis trends – the migration crisis, terrorism, economic recession. The rise of populist parties of all kinds (right, left, right-left) has its limits. But the process of party systems adaptation to a new type of conflict between the globalized post-modern elites and the majority of “nationalized” citizens of national states is only developing now (both in developed and developing countries). The question is in which degree the party and political systems of different countries are ready to it and how the modern political elites are flexible and adaptive to a new political challenge.

KEY WORDS: parties, party systems, political systems, democracy, populism, political elites

References

- Beyme K. von (1996) Party Leadership and Change in Party Systems: Towards a Postmodern Party State? *Government and Opposition*, vol. 31, no 2, pp. 135–159.
- Beyme K. von (2000) *Parliamentary Democracy: Democratization, Destabilization, Reconsolidation. 1799–1999*, Haundsmills: Macmillan.
- Downs A. (1957) *An Economic Theory of Democracy*, N.Y.: Harper.
- Hino A. (2012) *New Challenger Parties in Western Europe: A Comparative Analysis*, London: Routledge.
- Ignazi P. (1996) The Crisis of Parties and the Rise of New Political Parties. *Party Politics*, vol. 2, no 4, pp. 549–566.
- Inglehart R. (1990) *Culture Shift in Advanced Industrial Countries*, Princeton: Princeton University Press.
- Janda K. (1980) *Political Parties: A Cross-National Survey*, N.Y.: Free Press.
- Krastev I. (2007) The Strange Death of the Liberal Consensus. *Journal of Democracy*, vol. 18, no 4, pp. 56–63.
- Kreisi H. (2014) The Populist Challenge. *West European Politics*, vol. 37, no 2, pp. 361–378.
- Kuznetsov A. (2017) Germaniya v god vyborov: «pirrova pobeda» Angely Merkel? [Germany in a Year of Elections: Angela Merkel's Pirrhc Victory?]. *God planety. Vypusk 2017 g.* [Year of the Planet. Issue 2017] (eds. Baranovsky V., Solovyev E.), Moscow: Idea-Press, pp. 227–235.
- Leadbeater Ch., Mulgan G. (1994) Lean Democracy and the Leadership Vacuum. *Demos*, no 3, pp. 14–25.
- Lipset S., Rokkan S. (eds.) (1967) *Party Systems and Voter Alignments*, N.Y.: Free Press.
- Luce E. (2017) The Siege of Western Liberalism. *Financial Times*, May 5, 2017. Available at: <https://www.ft.com/content/c7444248-3000-11e7-9555-23ef563ecf9a>, accessed 18.06.2018.
- Mair P. (1990) Continuity, Change and the Vulnerability of Party. *Understanding Party System Change in Western Europe* (eds. Mair P., Smith G.), London: Frank Class, pp. 3–20.
- Mudde C. (2010) The Populist Radical Right: A Pathological Normalcy. *West European Politics*, vol. 33, no 6, pp. 1167–1186.
- Mudde C. (2014) Fighting the System? Populist Radical Right Parties and Party System Change. *Party Politics*, vol. 20, no 2, pp. 217–226.
- Painter A. (2013) *Democratic Stress, the Populist Signal and Extremist Threat: A Call for a New Mainstream Statecraft and Contact Democracy*, London: Policy Network.
- Prokhorenko I. (2016) Ispaniya v protsessakh transformatsii partijno-politicheskikh sistem evropejskikh stran [Spain in the Process of Transformation of the Party Systems of European Countries]. *Partijno-politicheskie sistemy i politicheskie ideologii*

v stranakh Zapada v nachale XXI veka: faktory evolyutsii i napravleniya transformatsii [Party Systems and Political Ideologies on the West in the Early 21st Century: Factors of Evolution and Vectors of Transformations] (ed. Solovyev E.), Moscow: IMEMO, pp. 102–107.

Stiglitz J.E. (2016) *Velikoe razdelenie. Neravenstvo v obshchestve, ili Chto delat' ostavshimsya 99% naseleniya?* [The Great Divide: Unequal Societies and What We Can Do About Them], Moscow: EKSMO.

Vajnshtejn G. (2016) Elektoral'nyj faktor v evolutsii partiynogo landshafta Evropy [Electoral Factor in the Evolution of the European Party Landscape]. *Elektoral'nye protsessy v Evropejskom soyuze (seredina vtorogo desyatiletiya XXI veka)* [Electoral Process in EU (in the Mid of Second

Decade of 21st Century] (ed. Shveitser V.), Moscow: Institute of Europe RAS, pp. 14–19.

Vajnshtejn G. (2017) Sovremennij populizm kak ob'ekt politicheskogo analiza [Modern Populism as an Object of Political Analysis]. *Polis*, no 4, pp. 69–89.

Vajnshtejn G. (2018) Transformatsiya zapadnoevropejskogo politicheskogo landshafta i institutsializatsiya antisistemnoj politiki [Transformation of the Political Landscape in the West Europe and Institutionalization of Anti-system Policy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 62, no 5, pp. 17–28.

Whiteley P.F. (2011) Is the Party over? The Decline of Party Activism and Membership across the Democratic World. *Party Politics*, vol. 17, no 1, pp. 21–44.